

Тишков В.А.

Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина)

Аннотация: Советское научное наследие в области национальной политики и сама этнополитика носили противоречивый характер, они пережили существенные трансформации со времен позднего СССР, включая распад страны по этнотерриториальным границам и открытые этнические конфликты. В статье прослеживаются поиски новых подходов, особенно содержание концептуальных документов государства, включая Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации в двух ее редакциях (2012 и 2018 гг.). Автор освещает личное участие в пересмотре доктринального наследия и в поиске новых подходов в сфере гражданского националстроительства, этнокультурного развития и межэтнических отношений.

Ключевые слова: Россия, советская этнополитика, распад СССР, народы-национальности, стратегия, гражданская нация, идентичность, этничность.

Tishkov V.A.

Changing concepts of ethno-politics in Russia (from Gorbachev to Putin)

Abstract: Soviet academic legacies as well as ethno-politics per se had a contradictory character and went through dramatic transformations since the late USSR. It embraced the breakup of this country along ethno-territorial borders and open ethnic conflicts. This article traces a search for revisions and new approaches, precisely, evolution of conceptual documents on behalf of a state, such as two versions (2012 and 2018) of Strategy of state nationalities policy of the Russian Federation. The author describes his personal contribution to revisions of doctrinal legacies and developing concepts of civic nation building, ethno-cultural developments and interethnic relations.

Key words: Russia, Soviet ethno-politics, breakup of the USSR, peoples-nationalities, state strategy, civic nation building, identity, ethnicity.

Введение

В истории отечественной этнополитики 2018 г. отмечен декабрьским указом Президента страны, которым была утверждена новая редакция Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. Этому предшествовали довольно острые дебаты по ряду принципиальных положений документа, которые сопровождались к тому же напряженной политической борьбой вокруг вопросов языковой политики. Прошло уже более 20 лет, когда была принята первая постсоветская концепция национальной политики, которая подытожила начальный ее период в постсоветской России¹. Ныне есть смысл напомнить некоторые наиболее важные моменты в истории национальной политики в нашей стране и определить те рубежи, на которых сейчас находятся отечественная этнополитическая мысль и ее отражение в стратегических документах государства.

Советское наследство и начальные вызовы

Когда во времена горбачевской перестройки наши научные интересы в большей степени сконцентрировались на актуальных вопросах советской национальной политики и межнациональных отношениях, то самым главным мотивом в общественно-политическом дискурсе вокруг этой темы был мотив новой концепции. Запрос на обновление как теоретико-методологического багажа, так и политической линии был явно налицо. Хотя, если говорить о состоянии научного знания, то, на первый взгляд, советская этнография пребывала в приличном состоянии. Институтом этнографии до 1989 г. успешно руководил академик Ю.В. Бромлей, который своими трудами вместе с рядом ведущих ученых института создал т.н. советскую теорию этноса². Не вдаваясь в разбор теоретических основ позднесоветской этнографии (до 1960-х гг. категория *этноса* редко упоминалась в науке), следует отметить, что глубоко примордиалистская трактовка феномена этничности в чем-то заключала в себе и подкупающие моменты как для советского обществознания, так и в плане общественного запроса со стороны политико-идеологической элиты и полиэтничной страны в целом. Не ортодоксально мыслящих ученых подкупала своего рода внеклассовая и даже внеформационная трактовка одной из основополагающих субстанций нашего бытия, а именно – этнических общностей, которым предписывались собственные исторические траектории, независимые от смены общественных укладов и от характера классово-борьбы.

Согласно этой теории, в результате т.н. этногенеза на ранних стадиях челове-

¹ См.: Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1996. № 100.

² См. один из вариантов критического разбора: Филиппов В.Р. «Советская теория этноса». Историкографический очерк. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.

ческой эволюции (почти что в верхнем палеолите, если верить В.П. Алексееву³) на карте мира появились этносы как некие социальные организмы (ЭСО – этно-социальные организмы – по Бромлею, социальные организмы – социоры – по Ю.И. Семенову, биосоциальные организмы – по Л.Н. Гумилеву⁴). Эти организмы отличались набором определенных черт/свойств/характеристик/признаков, из которых составлялись дефиниции-определения, а также типология этносов, в которой мог содержаться принцип стадильности (*племя* – для первобытности, *народность* – для феодализма, *нация* – для капитализма и социализма). Эти социальные организмы как коллективные тела переживали внутренние трансформации, взаимодействия между собой и внешние воздействия, особенно со стороны экономики, политики и культуры. Все это называлось «этническими процессами» (у них также была своя типология) и, применительно к СССР, «межнациональными отношениями», а область политического менеджмента данной сферой государственной жизни называлась «национальной политикой». Расхождения между советскими учеными-этнографами по поводу теоретической базы были минимальными, за исключением взглядов Л.Н. Гумилева, который довел до абсурда происхождение этносов от некоего внешнего пассионарного толчка и рассматривал их как биологические по изначальной природе субстанции, которые проходят разные жизненные стадии, включая молодость, расцвет и смерть, а также обладают своего рода средним жизненным циклом в 1500 лет.

Что позволяло таким научным подходам существовать и пребывать в согласии с существующей политико-идеологической системой? Конечно, само т.н. национально-государственное устройство СССР, при котором основополагающая для любого современного государства идея нации была передана в исключительное пользование этнических общностей, и эти «социалистические нации» были сконструированы тандемом науки и политики из наличествующего этнографического материала. Важно, что, согласно декларируемому «социалистическому федерализму» (в отличие от «буржуазного федерализма»), в основе решения национального вопроса в СССР лежал принцип самоопределения наций на территориально-государственной основе, а разного рода национально-культурные или персонально-культурные автономии объявлялись буржуазными изобретениями в целях избежать подлинно «национального» (читай «этнического»). – *В.Т.*) самоопределения. В ладу с масштабным спонсированием этнонациональных культур и их научным изучением строилась и государственная национальная политика, целью которой в партийно-государственных документах последних советских десятилетий провозглашались расцвет и сближение советских социалистических наций.

³ Алексеев В.П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1986.

⁴ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1981; Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

Первые существенные подступы к обновлению или пересмотру научных и политических позиций в этой области можно отнести к концу 1980-х гг., и это было связано с рядом обстоятельств. В области науки – с более свободным научным обменом и влиянием зарубежной этнологии, в которой давно утвердилась концептуальная парадигма социального конструктивизма, и социально-культурная антропология плодотворно разрабатывала феномен этничности как форму самосознания, организующую культурные различия, и другие формы идентичностей без обязательного «группизма», территориализации и институционализации этничности. В те годы кризис в советской этнографии был налицо, хотя наши основанные на полевых этнографических материалах труды не подверглись девальвации в такой степени, как это случилось с рядом более политизированных общественно-научных дисциплин⁵. Более того, некоторые представители старшего поколения считали, что никакого кризиса нет и что советская этнография – это «наука и еще какая наука!» (см. интервью автора с представителями старшего поколения [1]). Наш доклад на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР о новых подходах в сфере межнациональных отношений и его последующая публикация под названием «Да изменится молитва моя...», а также журнальные публикации были одними из первых ревизионистских шагов в академической науке⁶. Еще более серьезные переоценки отечественного теоретического арсенала были предприняты в середине 1990-х гг., когда было прямо сформулировано, что категория нации должна использоваться также и в гражданско-политическом смысле, и для этого есть не меньше оснований, чем для ее этнического варианта⁷. Но самое главное – это была трактовка России как состоявшегося государства-нации, а российского народа – как полиэтничной гражданской нации⁸.

Гораздо в более драматической форме, по сравнению с научной средой, происходили события в реальной жизни страны. Синонимом демократизации стали

⁵ Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.

⁶ Тишков В.А. Да изменится молитва моя...: О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1989; *он же*. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1. С. 73–89; *он же*. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1. С. 49–59; *он же*. Народ, нация, государственность // Советская культура. 1989. 1 июля; *он же*. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15; *он же*. Об идее нации // Общественные науки. 1990. № 4. С. 83–95; *он же*. О новой Конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 5. С. 10–14.

⁷ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2. С. 3–38.

⁸ Тишков В.А. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 января; *он же*. Что есть Россия? (перспективы нацистроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; *он же*. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

мощные движения в пользу политической, хозяйственной и культурной самостоятельности «национальных республик», движение за «национальное самоопределение» разных этнических групп населения, включая и тех, кто не имел «своей национальной государственности» или был ее лишен в годы сталинской диктатуры (например, российские немцы, крымские татары, месхетинские турки). Мощными стали также политические требования реабилитации ранее депортированных народов. Периферийный этнический национализм в форме сепаратизма постепенно захватывал все новые и новые регионы и прежде всего – союзные и некоторые автономные республики. Произошли открытые межэтнические конфликты в азербайджанском Сумгаите, узбекской Фергане, киргизской Оше, силой были подавлены массовые выступления в Литве, Грузии, Азербайджане.

Тогдашнее партийно-государственное руководство во главе с М.С. Горбачевым попробовало обновить национальную политику. В 1988 г. была принята специальная резолюция «О межнациональных отношениях» на XIX Всесоюзной партийной конференции, в которой опять же говорилось о «сближении наций» (но не об их слиянии!) и укреплении «новой исторической общности советского народа». В 1989 г. был проведен специальный Пленум ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений. В принятой Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» речь шла о «последовательном отстаивании принципа национального самоопределения», «удовлетворении многообразных потребностей всех советских наций» в рамках «полнокровной советской федерации».

Наконец, на XXVIII съезде КПСС в 1990 г., в работе которого автор принимал участие, нам удалось предложить и провести в тексте резолюции Съезда новую формулировку целей национальной политики. Вместо обычной фразы об укреплении интернационализма и дружбы народов было записано: «всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к национально-культурным общностям». Важно также, что в резолюции термин «нация» не использовался в его этническом смысле вообще, что открывало перспективу для наполнения его обновленным гражданско-политическим смыслом. Отметим однако, что это «наполнение» продолжается уже почти 30 лет, и его актуальную стадию мы обозначим в конце настоящей статьи.

Драматические годы распада СССР по этнотерриториальным границам (больше по причине раскола элит, борьбы за власть в Кремле и внешних разрушительных воздействий⁹) были отмечены «национальным возрождением», «парадом суверенитетов», когда союзный парламент больше напоминал «ассамблею наций», а принимаемые им законы были о «свободном национальном развитии

⁹ Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2005. С. 588–600.

граждан», проживающих на территориях «своих» или не «своих национально-государственных образований».

Молодая российская демократия добавила к правовым несуразницам этнического самоопределения еще и антиимперский мотив. На I Съезде народных депутатов РСФСР в мае 1990 г. Б.Н. Ельцин заявил: «Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей, ответственности». Страдает от этого диктата и Россия (имелась в виду РСФСР. – *В.Т.*), которая и должна объявить собственный суверенитет». К этому добавились призывы «обустроить Россию» и таких властителей дум, как писатель А.И. Солженицын: «Нет у нас сил на окраины», «нет у нас сил на Империю!».

Таким образом, концептуально национальная политика не смогла вырваться из дискурса самоопределения этносов и антиимперской парадигмы. Тем самым распад СССР можно считать и поражением старых доктринальных подходов, хотя в советском наследии было много позитивных моментов по части этнокультурного развития больших и малых народов СССР. Многие авторитетные исследователи этого вопроса справедливо считали, что СССР был не столько «тюрьмой народов», сколько «колыбелью наций» или «империей наций», «империей позитивного действия»¹⁰. Многие из опыта советской национальной политики было заимствовано другими странами, особенно в плане сохранения малых культур и языков, а также развития этнической периферии полиэтничных обществ.

Новая федерация и новые подходы

С 25 декабря 1991 г. РСФСР стала именоваться Российской Федерацией. Смысл нового названия означал отказ от двух идеологем: «советский» и «социалистический», но сохранял форму государственного устройства – федерацию. Старое заявление Ельцина в период борьбы с Горбачевым за власть в Кремле «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить» стало вдохновляющим моментом в эскалации этнического сепаратизма внутри самой России. Вопрос о новом содержании федерализма в противовес старому советскому как сугубо «национально-территориальному устройству» (именно к отношениям центра и этнотерриториальных автономий и сводился советский федерализм) стал основным в выработке новой концепции национальной политики. В 1990 г. автором была опубликована в газете «Правда» статья, в которой подвергался сомнению

¹⁰ *Сунд Р.Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // *Национализм в мировой истории* / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 4–24; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности» // *Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М.: РОССПЭН, 2011; *Кадио Ж.* Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860–1940. М.: НЛЮ, 2010; *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Chichester – Ithaca: Cornell University Press, 2005.

сам принцип построения государства, его внутреннего устройства на этнической основе. Высказывалась мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики не могут категоризоваться как «национальные» (читай – этнонациональные) государства, как это было определено Конституцией СССР 1977 г. [2] Это была открытая попытка провести мысль, что права гражданина выше прав нации. Еще ранее в выступлении на Съезде партии нами было сказано о вмонтированном в общественное сознание и в государственно-правовую практику страны доктринальном этнонационализме, который «проявился в объявлении одних народов нациями, других – народностями и национальными группами, в создании иерархии национальных государственных образований с центром, через который насаждался русскоязычный официоз, в дележе народов на коренные и некоренные со своей и не своей государственностью, в государственной фиксации национальной принадлежности граждан, причем только по одному из родителей...»¹¹.

Первые годы существования РФ ушли на «успокоение» ситуации в новом государстве, ибо инерция «парада суверенитетов», межнациональных конфликтов затронула в полной мере и Россию. Как и в первые годы советской власти, самым важным было сохранить целостность страны, избежав массовых беспорядков и кровопролития. По этой причине 31 марта 1992 г. был заключен Федеративный договор со всеми субъектами Федерации (его не подписали только Татарстан и Чечено-Ингушетия). С концептуальной точки зрения, Договор был важен самим фактом обозначения составных частей федерации, хотя в нем сохранилась установка на «суверенность» республик с правом принятия конституций, т.е. неравенство субъектов Федерации. Тогда же был создан и орган исполнительной власти – Государственный комитет РФ по национальной политике. Однако вплоть до принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г. политика в национальном вопросе больше сводилась к реагированию на кризисы и к принятию ряда законодательных актов в отношении репрессированных народов.

Отметим наиболее важные положения и новации Конституции 1993 г. применительно к этническому фактору. В отличие от советских конституций в ней нет раздела «Национально-государственное устройство», как и нет градации субъектов на национально-государственные и административно-территориальные. Конституция не предоставляет права на выход из состава Федерации, делая тем самым право на самоопределение как самоопределение в составе РФ. Более свободным стало толкование национальной принадлежности, граждане обрели право самостоятельно определять и указывать свою национальность. Основной закон обогатился терминами, относящимися к понятиям «народ», «нация», «национальность», что расширяло возможности правового регулирования

¹¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Заседание секции «Национальная политика КПСС». Бюллетень для делегатов съезда. М., 1990. С. 30.

процессов этнокультурного и этнонационального развития, нациестроительства в политико-гражданском смысле. Преамбула Конституции позволяет трактовать понятие «многонациональный народ» как тождественное понятиям «*российская нация*», «*россияне*» в смысле политической нации и согражданства.

Употребление термина «*народ*» в Конституции имеет два смысла: народ как согражданство, население страны и народ как этническая общность. При этом понятие «*многонациональный народ*» раскрывает себя как политическую сущность – согражданство, но имеющее также и этническую сущность, а именно – культурно-сложную полиэтническую общность. Выявление этого смысла расширило методологическую и правовую базу восприятия множественной природы идентичности в их не взаимоисключающем единстве. Тогдашняя юридическая недосказанность в этом вопросе привела к тому, что в некоторых конституциях республик в качестве субъекта самоопределения признавался не народ республики в целом, а только т.н. титульная нация. Трактовка принципа самоопределения так и осталась запутанным сюжетом конституционного права в РФ.

Последующие годы принесли обострение вооруженного конфликта в Чечне и сложные переговоры с республиками по части заключения договоров о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации. Это было своего рода продолжением старого курса государственного строительства на этнонациональной основе. Всем хотелось стать республиками, даже некоторым «русским» регионам, а за создание «Русской республики» выступали не только ультранационалисты шовинистического толка, но и некоторые влиятельные федеральные политики. Но все эти годы в общественном климате присутствовала идея и реальная потребность выработать новую концепцию национальной политики.

Самый первый проект такого документа был подготовлен в 1992 г. в тогдашнем Госкомнаце, и он был доложен автором как тогдашним Председателем Госкомнаца на заседании Правительства. В проекте концепции содержались новации в рамках тех подходов, которые уже озвучивались в научной литературе и в политических дебатах. Особо важной представлялась идея введения в России института НКА как одной из форм самоопределения наряду с этнотерриториальной формой внутреннего самоопределения. Тогдашние ключевые в этой области политические фигуры (Р.Г. Абдулатипов, Г.В. Старовойтова) выступили против предложенной концепции, и проект был отправлен на доработку. Однако в обществе сохранялся запрос на обновление национальной политики (своего рода «плач по концепции» [3, 9]). В итоге в июне 1996 г. Указом Президента РФ была утверждена Концепция государственной национальной политики РФ, разработанная Миннацем России совместно с научным сообществом. Она стала своего рода «договором согласия», ибо ее одобрили все субъекты Федерации, комитеты Государственной Думы и общественные организации.

Концепция 1996 г. и ее значение

Практика оформления государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни в форме доктрин, концепций или программ является общепризнанной. В отличие от текстов законов, а тем более основного закона – Конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными предписаниями для властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров велика: закон обычно оформляет уже существующую практику; концепция – это официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, инициируемых властями. Если закон обязывает, то концепция – объясняет и рекомендует. Концепции имеют свойство меняться и изменяться чаще правовых актов, и не следует преувеличивать их первичную значимость. О концепции государственной национальной политики разговор шел со времен «позднего Горбачева», и была масса высказываний политиков и ученых, что межнациональные проблемы и конфликты – это прежде всего результат отсутствия продуманной и подлинно научной концепции.

Как мы уже отметили, бурная жизнь последнего десятилетия XX в. во многом разрушила старые догмы, возникли новые проблемы, а самое главное – новые глобальные реалии в виде постсоветских государств, в т.ч. и Россия с ее огромным этнокультурным разнообразием, новыми формами культурного и политического национализма, старыми и новыми проблемами межэтнических отношений, отношений Центра и регионов. Поэтому стремление специалистов и политиков объяснить происходящее и выработать новые подходы к этой сфере общественной жизни и управления были понятны, хотя порою трудно объяснить страсти и амбиции, которые разгорались и сохраняются до сегодняшнего дня вокруг принятия концепции (или стратегии) национальной политики.

В чем было значение принятого в 1996 г. документа? Были уточнены мало-понятные и провоцирующие конфликты понятия и категории, хотя, повторим, концепция – это не текст законодательного акта, где требуется еще большая строгость. В тексте концепции национальной политики не употребляется термин «нация», а употребляются и специально объясняются понятия «народы», «национальности», «этнокультурные» или «национальные общности», скорее, как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом политическом языке. Сделано это было не для того, чтобы «упразднить нации» или «бороться с нациями», как пугали некоторые догматики. Концепция не навязывала понятие гражданской «российской нации», но ограничивала официальный язык такими достойными понятиями, как «народы» или «национальности». Концепция не накладывала запрет на употребление понятия нации в его этническом значении для лидеров республик или активистов национальных общин, и даже для специалистов, но федеральная власть была обязана оста-

вить некоторое доктринальное пространство для процесса гражданского национального строительства, без чего не может существовать ни одно государство.

Концепция делала уступку в пользу этнического понимания термина «народ», хотя его наиболее распространенное значение – это общегражданская общность, население страны (например, указание в ст. 3 Конституции РФ о «многонациональном народе Российской Федерации»). В Концепции под понятием народа имеется в виду общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общие происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и этническое значения понятия «народ» не противоречат друг другу и принадлежность конкретного человека к обоим типам общностей не является взаимоисключающей. Концепция более глубоко трактовала понятие *самоопределения* как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития, форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтнических государств осуществляется в двух основных формах: территориальных образований и НКА. Поэтому существование республик в составе РФ признавалось важнейшей формой национально-территориального самоопределения, а развитие федерализма и разнообразных взаимоотношений с федеральным Центром и др. субъектами Федерации формулировались как приоритетные задачи государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

Важной формой самоопределения Концепция объявляла *экстерриториальную национально-культурную автономию*. Ее субъектом могли быть любые народы и этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнической принадлежности и самосознания. Концепция трактовала НКА шире фольклорно-этнографического варианта. Предусматривалась возможность, помимо образовательно-культурной деятельности, культурно ориентированной предпринимательской деятельности, право общинной собственности и самое важное – право на особые формы политического представительства и законодательную инициативу. Экстерриториальное самоопределение было ближе к универсальному понятию внутреннего самоопределения – это право на участие в более широком общественно-политическом процессе, включая управление государством и конкурентную социальную мобильность.

В Концепции проводился принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определялись как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечалась историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России, незави-

симо от их национальной принадлежности, способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Концепция тем самым не ориентировала на культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдавала должное и всячески поддерживала этнонациональное многообразие страны через развитие не только отдельных культур, но и многокультурности, дву- и многоязычия.

Концепция ставила определенные ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Наконец, Концепция, чтобы избежать ненужной градации граждан на разностатусные категории по этническому признаку, не использовала понятие «меньшинства». Это не от того, чтобы обойти проблему мирового значения и зафиксированную в ряде международных деклараций, а по той причине, что во многом Россия ушла дальше того, чего требуют эти декларации. Международное понимание «меньшинства» – это численно не доминирующие в государстве группы, т.е. строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных прав. Едва ли было бы резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и многие другие народы, имеющие территориальную автономию в виде республик-государств и мощные культурные институты. А для коренных малочисленных народов (главным образом, народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы другие подходы, и они были предусмотрены Концепцией в соответствии с международными требованиями.

Концепция 1996 г. получила позитивный отклик в российском обществе, и ее реализацией федеральные и региональные органы власти, а также институты гражданского общества занимались почти десятилетие, пока Президентом страны не были сформулированы предложения по ее корректировке. Подготовка нового варианта документа продолжалась несколько лет. За эти годы действующие президенты В.В. Путин и Д.А. Медведев изложили важные стратегические положения в своих выступлениях и в ежегодных посланиях о положении нации.

Стратегия госнацполитики и две ее редакции

В последнее десятилетие идея гражданской интеграции российского общества вышла на передний план в сфере публичного дискурса. Многие эксперты, политики, журналисты указывали, что для упрочения государственного единства страны необходима выработка программы интеграции российского общества, которая должна стать и ключевым элементом государственной национальной политики. С начала 2000-х гг. российские власти стали предпри-

нимать масштабные акции, направленные на формирование единого политического, правового и экономического пространства страны. С 2004 г. лидеры государства заговорили о российской нации как о политической реальности и о необходимости обеспечения гражданской солидарности россиян.

В середине 2000-х гг. стало ясно, что суть национальной (этнической) политики должна состоять в укреплении государственного единства, координации усилий государственных органов при решении проблем этнических общностей, в организации их диалога с властью, согласовании действий всех заинтересованных сторон при решении проблем культурного развития этнических групп, гармонизации межэтнических отношений и урегулировании этнополитических конфликтов. Осознание этого факта привело к тому, что в 2012 г. был создан Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, в состав которого вошли специалисты в области этнополитики, представители общественных движений, основных конфессий, журналисты. Тем самым было продемонстрировано, что этническая политика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств и общественников в реализации цели построения стабильного и интегрированного гражданского общества.

Значимость координации между институтами власти и гражданского общества при проведении этнополитики была особо подчеркнута в утвержденной В.В. Путиным 19 декабря 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Данный документ не был лишь декларацией намерений, а был построен как руководство к действию по следующей схеме: оценка проблемных ситуаций – постановка политических целей и задач – определение механизмов реализации сформулированных целей [4], [5].

Важным изменением в доктрине российской этнополитики стал тот факт, что руководство государством не только признало политическое значение, но всячески утверждало идею российской нации. В 2004 г. на встрече в г. Казани по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений В.В. Путин впервые заявил, что «есть все основания говорить о российском народе как о единой нации» и о необходимости укреплять исторически сложившееся национальное единство россиян. В 2008 г. Д.А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив тем самым линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности. Во время президентской кампании 2012 г. основной кандидат в президенты страны В.В. Путин уже в первой программной статье изложил свое видение вопроса, ибо, по его мнению, «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»¹². Одним из важных положений статьи была оценка праздника 4 ноября – Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда

¹² Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Вестник Российской нации. 2012. № 1.

сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»¹³.

Принципиально важным было то, что такой весомый документ, как Стратегия, принятая в первый год нового президентского срока В.В. Путина, имела однозначную общегражданскую направленность. Важнейшим ее положением была нацеленность на «укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». «Российская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации» рассматривались в названном документе как синонимы, что демонстрировало намерение властей не противопоставлять этничность согражданству, а добиваться того, чтобы «политика согражданства» сопровождалась сохранением культурного многообразия страны, тогда как гражданская российская идентичность не противопоставлялась бы этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе с ней. Для реализации идеи гражданской интеграции предусматривался комплекс мер. Причем, важную роль в укреплении единства российской нации должны играть такие институты, как армия, школа, учреждения культуры, а деятельность по укреплению «государственного единства» и «единства народа» должна быть межотраслевой и стать общей заботой всех структур власти.

Важной частью этнополитики было не только формирование российской гражданской идентичности и оптимизация межобщинных отношений, но и профилактика межнациональной напряженности через формирование системы мониторинга, борьба с различными проявлениями межэтнической вражды и экстремизма, а также «гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений».

В числе важнейших целей национальной политики в Стратегии были обозначены сохранение этнокультурного многообразия России и обеспечение успешной социальной и культурной адаптации мигрантов. Стратегическая линия в этой сфере обрела не только ясные цели, но и идейную определенность, ибо российские лидеры заявили, что государственная национальная политика должна носить сбалансированный характер и избавиться от тех дисбалансов, которые прежде имели в ней место, в первую очередь это касается усиления роли интеграционного подхода.

Одна из первоочередных задач интеграционной политики – формирование культурного образа российской нации, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного и научного творчества. Отсюда вытекает задача усиления гражданских начал в школьном воспитании, ибо школа есть один из важнейших институтов социализации личности. У молодежи необходимо воспитывать понимание

¹³ Там же.

того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество, а также формировать, как сказано в Стратегии, «общероссийское гражданское самосознание».

Стратегия есть политический документ, в котором излагаются политико-правовые взгляды, определяются цели и задачи политики в сфере государственного регулирования межэтнических отношений и отношений между государством и этнокультурными сообществами. Но чтобы обеспечить эффективную реализацию целей и задач, необходимо соответствующее кадровое обеспечение государственной национальной политики. Это в свою очередь требует расширения подготовки и переподготовки государственных служащих в плане их этнологического и этнополитического просвещения, а также просветительской работы среди населения, превращения таких институтов, как армия и школа, в инструменты формирования российского патриотизма, гражданственности и толерантности.

Спустя шесть лет, можно уверенно сказать, что Стратегия 2012 г. «ушла в народ», ее содержание начали изучать и использовать в системе региональных и муниципальных органов власти, пропагандировать в СМИ, преподавать в вузах. В поддержку и в развитие ее основных идей отечественными этнологами, социологами, психологами, политологами были выполнены многочисленные научные исследования российской идентичности, осуществлялся мониторинг межэтнических отношений. За последние годы вышла целая библиотека академических изданий и публицистических работ по вопросам национальной идентичности, гражданскому нациестроительству, российскому патриотизму, состоянию межэтнических отношений¹⁴.

Согласно установленному порядку обязательного обновления каждые пять лет документов государственного стратегического планирования, в 2017 г. был инициирован процесс подготовки новой редакции Стратегии государственной национальной политики. Проект документа был основным вопросом заседания Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 26 октября 2018 г. в Ханты-Мансийске, где он был одобрен членами Совета. После многочисленных обсуждений и согласований с субъектами Федерации и органами государственной власти, после серии общественных обсуждений и научных

¹⁴ См. обзорную публикацию: Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. Среди коллективных трудов отметим: Этническое и религиозное многообразие России. 2-е доп. издание / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018; Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность / под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Изд-во МГУ, 2017; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2017; Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / под ред. Л.М. Дробизевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

экспертиз 7 декабря 2018 г. был опубликован Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Чем примечательна новая редакция Стратегии, если к ней подходить как к наиболее цельной презентации государственной доктрины [6] в настоящий момент?

Документ открыто заявляет, что его цель – это обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан. И основывается Стратегия на принципах демократического федеративного государства. При этом учитывается многовековой историко-культурный опыт становления и развития российской государственности, основанный на взаимодействии и сотрудничестве народов, населяющих Российскую Федерацию. При наличии в стране противников концепции российской нации из числа этнонационалистов разной категории, а также отрицателей российского национального проекта в пользу православно-цивилизационного подхода, важно, что новая редакция Стратегии закрепляет концепт российской нации, развивая содержание этого понятия и др. базовых понятий, которые используются в документе.

Отметим, что впервые в доктринальном документе о государственной национальной политике формулируются основные дефиниции как результат выполнения поручения Президента РФ Российской академии наук о создании Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. В новой редакции Стратегии используются следующие предложенные Научным советом основные понятия:

а) *государственная национальная политика РФ* – это система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на обеспечение межнационального согласия, гражданского единства, поддержку этнокультурного и языкового многообразия в РФ, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, предупреждение конфликтов и проявления экстремизма на национальной и религиозной почве;

б) *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* – сообщество свободных, равноправных граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием;

в) *гражданское единство* – основа российской нации, признание гражданами РФ ее суверенитета, государственной целостности, единства правового пространства, общегосударственного исторического и культурного наследия, этнокультурного и языкового многообразия, равных прав на социальное и

культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность в достижении целей и задач развития общества;

г) *общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)* – понимание гражданами их принадлежности к своей стране, ее народу, государству и обществу, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, ответственности за судьбу страны, а также приверженность базовым ценностям;

д) *межнациональные (межэтнические) отношения* – взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни РФ, оказывающих влияние на ее этнокультурное и языковое многообразие и гражданское единство;

е) *национально-культурные потребности (этнокультурные потребности)* – потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своих культуры и языка;

ж) *народы, национальности, этнические общности в РФ* – национальный и этнический состав населения РФ, образующий этнические общности, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность людей;

з) *этнокультурное и языковое многообразие* – совокупность всех этнических культур и языков народов РФ.

Включение в текст Стратегии раздела с основными понятиями было продиктовано тем, что обновленный язык государственной национальной политики, который в большей степени отражает российскую реальность и современное научное знание, далеко не всегда адекватно понимается «потребителями» Стратегии из числа государственных служащих, медийных работников, общественников. Кроме того, как показал опыт предыдущей редакции документа, где не было основных дефиниций, скрытые и явные противники и критики концептуального содержания Стратегии намеренно искажали или оглушляли ее основные положения. Больше всего, конечно, доставалось понятию «*российская нация*»: одни считали, что в России не может быть гражданской нации, ибо еще нет и настоящего гражданского общества, другие запугивали угрозой отмены всех других наций, их переделкой в одну нацию типа советского народа, который «приказал долго жить». Раскрытие подлинного содержания этого фундаментального концепта призвано ослабить позиции отрицателей гражданской нации в России и развеять необоснованные опасения насчет судьбы этнонаций в РФ. Точно так же важны предложенные определения и для раскрытия других используемых в тексте категорий национальной политики.

Стратегия определила цели государственной национальной политики:

а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов;

б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа РФ (российской нации);

в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия РФ, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества;

д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

е) успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в РФ и их интеграции в российское общество.

Помимо целей в Стратегии прописаны также приоритеты госнацполитики, среди которых:

а) сохранение русского языка как государственного языка РФ и языка межнационального общения;

б) профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве;

в) создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в РФ, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения, а также на приграничных территориях РФ;

г) соблюдение прав коренных малочисленных народов РФ;

д) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с РФ и добровольному переселению в РФ.

Вместе взятые цели и приоритеты создают широкое поле для реализации государственной национальной политики, сохраняют высокие стандарты обеспечения прав и запросов граждан разной этнической принадлежности и религиозных убеждений. В тоже время это документ с социальной направленностью и с установкой на вовлечение в его реализацию не только властей разного уровня, но и институтов гражданского общества.

Раздел Стратегии с оценкой состояния межэтнических отношений изменился незначительно по сравнению с прежней редакцией, хотя именно вокруг одного из его положений было больше всего эмоционального накала в ходе подготовки документа. Речь идет об оценке роли русского народа и русской культуры в истории российской государственности и их месте в современной России. Среди сторонников русского национализма в его наиболее радикальных формах есть давняя позиция о необходимости конституировать доминирующий статус представителей этнического большинства, самого крупного народа РФ, и опре-

делить его место как государствообразующего народа по сравнению с другими народами страны. С этой позицией сталкивались также разработчики Концепции 1996 г. и первой редакции Стратегии 2012 г., но при этом они ограничивались формулировкой о ведущей роли русского народа и русской культуры.

С учетом отрицательного мнения по данной позиции представителей нерусских народов, прежде всего мнения российских республик, которые согласовывали проекты всех этих документов, разработчики новой редакции считали, что запись об одном государствообразующем народе может вызвать неблагоприятные последствия в сфере межэтнических отношений, не говоря уже о том, что она противоречит Конституции. В итоге в настоящем тексте изложены следующие очень важные оценки относительно т.н. русского вопроса. В разделе II (п. 11) записано: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм».

В этот же ряд концептуальных положений в новую редакцию включена и следующая запись относительно содержания российской гражданской идентичности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру».

Последняя запись является новацией, и за нее особенно ратовали активные сторонники т.н. цивилизационного подхода, которые, если быть откровенным, видят Россию не как государство-нацию, а как «государство-цивилизацию». Как хорошо известно, вокруг метафоры цивилизаций выстроена масса давних и разных историософских суждений, которые с трудом выдерживают научную критику (чего стоит, например, концепт «конфликта цивилизаций»). Однако, само по себе понятие «*цивилизация*» широко используется в политике и публицистике. Целый ряд стран с богатым историко-культурным наследием мирового значения и с высоким современным статусом позволяют называть себя и называться не только нациями, но и цивилизациями. Поэтому можно говорить, например,

о китайской, индийской, американской цивилизациях, в тоже время не отрицая существование этих крупнейших современных наций. Естественно, что имеется более чем достаточно оснований говорить и о российской (или русской) цивилизации в ее культурном значении без противопоставления этого обозначения феномену полиэтничной российской нации. На наш взгляд, в Стратегии найден этот непротиворечивый баланс двух концептов в оценке российской государственности, русского народа и русской культуры мирового значения. В тоже самое время текст не допустил поверхностную риторику насчет «приоритета духовного над материальным», особой значимости соборного коллективизма и т.п.

В Стратегии подчеркивается задача создания организационно-правовых и экономических условий для расширения участия институтов гражданского общества, в т.ч. и межнациональных объединений, НКА, иных некоммерческих организаций, специализирующихся на проектах в области гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, в решении задачи государственной национальной политики РФ.

Особое внимание в документе уделено муниципальному звену, особенно вопросам повышения квалификации служащих. Еще один новый пункт – ожидаемые результаты от реализации Стратегии. Это укрепление единства страны, мирное разрешение межнациональных конфликтов, сохранение языков российских народов, поддержка коренных малочисленных народов РФ, создание условий для адаптации мигрантов. Среди проблем в этой сфере названы: распространение терроризма и экстремизма, возникновение межнациональной и межрелигиозной розни, гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, незаконная миграция, социальное неравенство населения, частичная утрата этнокультурного наследия, последствия этнотерриториальных конфликтов, отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока.

Таковы основные этапы дискурса вокруг концептуальных основ национальной политики в нашей стране, начиная с момента ее новейшей истории.

Заключение

Это изложение мы начали с конца 1980-х гг. и заканчиваем декабрем 2018 г., обратив особое внимание на принципиально новый этап с начала 2000-х гг., который можно назвать периодом утверждения концепции российской нации и общероссийской идентичности. Последнее и есть то, что в мировой науке и политической практике называется *нациестроительством*. Надо сказать, что эта проблема и данный аспект постсоветской истории стали предметом рассмотрения и наших зарубежных коллег. Уже есть труды по проблеме нациестроительства в странах бывшего СССР, от Прибалтики до Средней Азии¹⁵.

¹⁵ *Kolsto P.* Political construction sites: Nation-building in Russia and the post-Soviet States.

Как и в России, в этих странах с одинаковым доктринальным наследием и с этнонационалистической выучкой ученые и политики зажаты между двумя полюсами, между двумя концептами нациестроительства: на этнической или на полиэтничной гражданской основе строить новую государственность. Другими словами, какую нацию строить и как ее называть: казахской или казахстанской, латышской или латвийской?

К сожалению, этнонационализм пока правит бал на постсоветском пространстве. Хотя фактически все страны бывшего СССР – полиэтничные по составу своего населения (единственным исключением можно назвать Армению и Туркменистан) и имеют существенные регионально-культурные различия, только Россия избрала путь федеративного устройства с этническим компонентом и ввела институт НКА. В то же самое время только РФ сделала существенный шаг в пользу полиэтничной гражданской нации при сохранении и поддержке этнокультурного многообразия, хотя сходные попытки и доктринальные установки есть в Казахстане, Литве, Молдове. К сожалению, местные и зарубежные интеллектуалы редко когда подвергают критике постсоветские этнонационализмы, ибо считают их оправдывающей реакцией на «советский колониальный режим» как стремление преодолеть имперское прошлое. Единственный тип этнического национализма, который подвергается критике, – это русский национализм. Он представляется исключительно как синдром того самого «великорусского шовинизма», который еще на заре советской власти клеймили большевики по главе с Лениным и Сталиным. По теме русского национализма написано большое число работ как западных, так и российских специалистов. Все они фактически носят осуждающий характер. Они игнорируют защитную составляющую (как реакция на нерусский этнонационализм в России и на дискриминацию русскоязычного населения, русского языка и русского православия за пределами России), а также патриотическую компоненту этого направления общественной мысли и политического спектра (как реакция на русофобию, внешнее давление на страну и принижение ее роли в мире).

Частично отсюда проистекает и настороженность внешних обозревателей к российскому национальному проекту – утверждению понимания российского народа как полиэтничной гражданской нации. Отсутствие в английском языке двух разных обозначений – «русский» и «российский» (все это обозначается одним словом «*Russian*») – затрудняет понимание российской ситуации или же намеренно искажается теми, кто понимает, о чем идет речь, но не желает это принимать по сугубо политико-идеологическим соображениям. Когда в 2016 г. в Астрахани на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям В.В. Путин сказал о возможности выработки

закона о российской нации, то самая оголтелая критика последовала от западного зарубежья, где перевод этого высказывания на английский язык звучал как «закон о единой Russian nation», что действительно могло озадачить и даже напугать несведущих. К тому же часто используемое прилагательное «единая» воспринимается некоторыми как «единственная», что уже вносит напряжение в восприятие этого концепта среди россиян нерусской национальности. Все это требует последовательной работы по разъяснению и отстаиванию ныне общепринятой и общегосударственной концептуальной линии.

И еще одно важное заключительное положение нашей статьи. Некоторые зарубежные специалисты по теме нациестроительства и национализма в России ошибочно полагают, что проект российской нации – это дело исключительно только одного человека, и называют имя автора настоящей статьи¹⁶. Более того, как и другие зарубежные эксперты по России, они считают, что российская нация, как и российская идентичность – это химера сравни проекту советского человека. По мнению зарубежных специалистов, в России до сих пор недосамоопределились нации, и это стоит в повестке будущего развития нашей страны. Это, конечно, глубокие заблуждения или намеренные искажения нашей современной действительности.

Концепция российской нации охватила сознание россиян, несмотря на наличие внутренних коллизий и критиков из числа сторонников старых подходов. Российская идентичность вышла на первый план среди других форм коллективных идентичностей. Эти показатели выше, чем среди таких «старых наций», как британская или испанская, в среде которых отторжение общенационального самосознания более чем налицо среди этнорегиональных сообществ. По теме российской нации и идентичности выполнены многочисленные исследования российских ученых, и эта тема – одна из основных в современном отечественном общественном сознании. Концепция вошла в школьные и вузовские учебники. Попытки дискредитировать или подменить ее другими, в основном историческими конструкциями являются, на наш взгляд, бесперспективными.

Если же говорить о главном итоге нескольких десятилетий, полных научных поисков и дебатов, общественных обсуждений, политических решений, то автор бы осмелился высказать следующее заключение. Главное состоит в том, что общими усилиями мы предложили единственно возможный вариант существования и развития нашей страны как полиэтничного и поликонфес-

---

¹⁶ Вот что пишет норвежский специалист по проблемам нациестроительства и национализма в постсоветских государствах П. Колсто: «Теоретическая подпитка проекта нациестроительства на основе Российской Федерации – это практически работа одного человека – Валерия Тишкова» (“The theoretical underpinnings of the Russian Federation-centered nation-building project are practically the work of one man, Valery Tishkov”) (цит. по: *Kolsto P., Blakkisrud H. (ed.). The new Russian nationalism: imperialism, ethnicity and authoritarianism, 2000–2015. Edinburgh University Press, 2016. P. 32).*

сионального государства на основе *российского национального проекта* и его основной формулы «единства в многообразии». А вместе с этим само понятие *национальной политики*, которая до этого фактически понималась только как этническая политика, наполняется новым и более адекватным содержанием – как политики общенационального строительства и обеспечения национальных интересов нашего народа как полиэтничной гражданской нации.

Список литературы:

1. Тишков В.А. *Наука и жизнь. Разговоры с этнографами*. Москва, Алетейя, 2008.
2. Тишков В.А. Тупики национальной государственности. *Правда*, 1990, 4 сентября.
3. Тишков В.А. Плач по концепции. *Московские новости*, 1996, 16 июня.
4. Зорин В.Ю. Тексты и политика: к истории формирования постсоветской модели этнополитики. *SCHOLA-2016. Политическая текстология и история идей*. Москва, Изд-во МГУ, 2016, сс. 217–225.
5. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Москва, ИЭА РАН, 2014, вып. 236.
6. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры. *Вестник Российской нации*, 2018, № 1, сс. 13–30.

References:

1. Tishkov V.A. *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami*. Moskva, Aleteya, 2008. (In Russ.) [Tishkov V.A. Science and life. Talks to ethnographers. Moscow, Aleteya, 2008.]
2. Tishkov V.A. Tupiki natsional'noi gosudarstvennosti. *Pravda*, 1990, 4 sentyabrya. (In Russ.) [Tishkov V.A. Deadlocks of national statehood. *The Truth*, 1990, September 4.]
3. Tishkov V.A. Plach po kontseptsii. *Moskovskie novosti*, 1996, 16 iyunya. (In Russ.) [Tishkov V.A. Cry for the concept. *Moscow news*, 1996, June 16.]
4. Zorin V.Yu. Teksty i politika: k istorii formirovaniya postsovetsoi modeli etnopolitiki. *SCHOLA-2016. Politicheskaya tekstologiya i istoriya idei*. Moskva, Izd-vo MGU, 2016, ss. 217–225. (In Russ.) [Zorin V.Yu. Texts and politics: on the history of the formation of the post-Soviet ethno-political model. *SCHOLA-2016. Political textology and history of ideas*. Moscow, Moscow state University Publ., 2016, pp. 217–225.]
5. Zorin V.Yu., Astvatsaturova M.A. Straregiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: formirovaniye obshcherossiiskoi grazhdanskoj identichnosti i ukreplenie dukhovnoi obshchnosti rossiiskoi natsii. *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*. Moskva, IEA RAN, 2014, vyp. 236. (In Russ.) [Zorin V.Yu., Astvatsaturova M.A. Strategy of the state national policy of the Russian Federation: formation of the all-Russian civil identity and strengthening of the spiritual community of the Russian nation. *Research on applied and urgent Ethnology*. Moscow, IEA RAS, 2014, iss. 236.]
6. Zorin V.Yu. Straregiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: promezhutochnye itogi i novye orientiry. *Vestnik rossijskoj natsii*, 2018, № 1, ss. 13–30. (In Russ.) [Zorin V.Yu. Strategy of state ethno-national policy of Russian Federation: interim results and new guidelines. *Bulletin of Russian nation*, 2018, № 1, pp. 13–30.]

Об авторе:

Тишков Валерий Александрович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, Россия. E-mail: valerytishkov@mail.ru.

About author:

Tishkov Valerii Aleksandrovich – doctor of historical sciences, professor, academic of the Russian Academy of Sciences, scientific chief of the Institute of ethnology and anthropology named N.N. Micklukho-Macklai. Moscow, Russia. E-mail: valerytishkov@mail.ru.